

Соотношение личного фонда и обязательной доли в наследстве: дискуссионные вопросы

Е.И. Домшенко (Червец),
магистр юриспруденции (РШЧП),
LLM, адвокат, партнер
коллегии адвокатов «Регионсервис»,
консультант ФГБНУ
«Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации»,
e.chervets@regionservice.com

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы применения норм российского права об обязательной доле в наследстве при учреждении личных фондов. Автор исследует политико-правовые основания императивности норм об обязательной доле в наследстве, делает вывод о ее социальной цели, заключающейся в установлении обязанности заботиться об экономически слабых гражданах. Автор обращается к опыту континентальных право порядков, где правило об обязательной доле в наследстве критикуется с позиций сложности распоряжения значительными активами представителей бизнеса, описывает имущественные критерии, при которых становит-

ся эффективным структурирование наследования через личные фонды. На основании анализа российской конструкции личных фондов делается вывод о недопустимости применения к прижизненному фонду правил об обязательной доле в наследстве.

Ключевые слова: обособление имущества, личный фонд, наследственный фонд, обязательная доля в наследстве.

DOI 10.53578/1819-6624_2023_5_47

Создание в России конструкции личного (не только наследственного, но и прижизненного) фонда тесно связано с наследственным правом и более всего с институтом обязательной доли¹.

¹ Д.П. Заикин указывает, что стимулом к развитию нового представления о фондах послужил наследственный спор, произошедший во Франкфурте-на-Майне на четверть века ранее выхода «Системы современного римского права» Ф.К. фон Савиньи. Спор повлек за собой виток

В пункте 1 статьи 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) закреплено императивное правило, согласно которому несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные

**ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ ИНСТИТУТА
ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕ
МОЖЕТ ПОДНИМАТЬСЯ НЕ ИНАЧЕ
КАК ПРИ СОСТАВЛЕНИИ
НАСЛЕДОДАТЕЛЕМ ЗАВЕЩАНИЯ**

иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию на основании установленных законом случаев, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля). Тем самым институт обязательной доли в наследстве является исключением из принципа свободы завещаний².

Известно, что изначально основным источником происхождения имущества являлась семья, и в основе обязательной доли лежала идея семейной собственности³.

Как писал классик советского наследственного права В.И. Серебров-

ский, «предоставляя завещателю свободу распоряжения своим имуществом на случай смерти, советское право устанавливает из этого общего правила весьма важное изъятие в интересах детей завещателя и его других нетрудоспособных наследников, которых завещатель не вправе устранить от наследования и которые имеют право на так называемую обязательную наследственную долю»⁴. В этом находит яркое выражение забота советского государства о несовершеннолетних детях и других нетрудоспособных наследниках. Таким образом, известные категории наследников призываются к наследованию даже вопреки воле завещателя. Закон как бы поправляет завещателя, по тем или иным причинам не предоставившего своим несовершеннолетним детям и другим нетрудоспособным наследникам той доли в наследстве, которая причиталась бы им при наследовании по закону⁵.

Исследование института обязательной доли в наследстве показывает, что и сегодня специфической чертой российского наследственного права является социальная цель предоставления обязательной доли в наследстве, а родство или брак сами по себе не являются конститутивным элементом обязатель-

догматического рассуждения о правоспособности фонда, а вследствие того — о судьбе имущества, передаваемого в фонд. Подробнее см.: Заикин Д.П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 5. С. 7–72.

² Основы наследственного права России, Франции, Германии / Ю.Б. Гонгало, К.А. Михалев, Е.Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М., 2015.

³ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018.

⁴ Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 144.

⁵ Там же.

ного наследника. Признаки, характерные для всех категорий обязательных наследников, — это отсутствующая или ограниченная способность к труду (не совершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, нетрудоспособные родители и супруг наследодателя, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя). Российское государство перекладывает на общество заботу об экономически слабых гражданах⁶.

«Жизнь и ее потребности, — как указывает П.В. Крашенинников, — обуславливают необходимость развития отечественного наследственного права и введения новых институтов и новых способов распоряжения на случай смерти, одним из которых и стала возможность создания наследственного фонда»⁷. Как указывает И.В. Колосов, учреждение наследственного фонда может позволить создать условия для обеспечения сохранности активов наследодателя⁸.

Е.Ю. Петров справедливо пишет, что в современном европейском обществе все более преобладает индивидуализм. «Поставить ребенка на ноги» в настоящее время означает дать ему хорошее образование. Увеличение продолжительности жизни привело к тому, что наследство открывается, когда потомки

давно живут самостоятельной жизнью. Прекращение дискриминации внебрачных детей также разрушает первоначальную идею обязательной доли. Таким образом, в континентальном праве все чаще раздаются призывы отменить обязательную долю исходя из того, что это правило устарело. Сторонники отмены приводят в качестве примера общее право, где нет обязательной доли, а интересы определенных лиц обеспечиваются путем установления судом предоставления из состава или за счет наследственной массы⁹.

Институт обязательной доли (*Pflichtteil*) известен праву Германии. Круг лиц, имеющих право претендовать на обязательную долю, ограничен потомками наследодателя, его родителями и пережившей супругой. Данные лица не имеют статуса сонаследников, но обладают правом требования по отношению к тем, кто объявлен наследниками по завещанию. Таким образом, степень защиты имущества при передаче его в соответствии с волей учредителя является относительно низкой¹⁰. Если наследник назначен выгодоприобретателем наследственного фонда, то, как и в России, он имеет право выбора между своими позициями наследника и выгодоприобретателя — при том,

⁶ Петров Е.Ю. Сделки *mortis causa* // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б.М. Гонгалю. М., 2016. С. 231.

⁷ Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? / П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др. // Закон. 2018. № 9. С. 2.

⁸ Колосов И.В. Утилитарный аспект установленного запрета на изменение условий управления наследственным фондом // Наследственное право. 2020. № 1. С. 24–28.

⁹ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации.

¹⁰ Zimmerman R. *Compulsory Portion in Germany in Comparative Succession Law. Mandatory Family Protection*, Oxford University Press, 2020. P. 281, 286.

что размер причитающегося в этих случаях имущества может значительным образом отличаться¹¹.

В противном случае право требования лица, имеющего право на обязательную долю, противопоставляется волеизъявлению учредителя, нацеленному на передачу имущества, к примеру, в качестве пожертвования (*donation*), по-

РЕАЛЬНЫЙ РАЗМЕР ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ НАСЛЕДНИКОВ МОЖЕТ СУЩЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ОТЛИЧАТЬСЯ В МЕНЬШУЮ СТОРОНУ ОТ РАЗМЕРА, УСТАНОВЛЕННОГО В ПУНКТЕ 1 СТАТЬИ 1149 ГК РФ

скольку такая передача неминуемо уменьшает объем имущества, потенциально истребуемого в составе обязательной доли. Лицо, претендующее на обязательную долю, вправе требовать компенсации, увеличивающей объем обязательной доли на стоимость имущества, переданного в качестве пожертвования. Вместе с тем пожертвования не могут быть учтены, если с момента передачи имущества в качестве пожертвования после смерти учредителя прошло более 10 лет.

Также лицо, претендующее на обязательную долю, обладает вспомогательным требованием к получателю пожертвования в тех случаях, когда у наследников отсутствует обязательство выплатить компенсацию за умаление обя-

зательной доли. Оспаривание сделки по отчуждению имущества, на которое претендует держатель обязательной доли, осуществляется по правилам о неосновательном обогащении с правовым последствием в виде реституции. Таким образом, с позиции актуального законодательства право на обязательную долю «сильнее» волеизъявления наследодателя, нацеленного на сохранение имущества посредством передачи в фонд¹².

Сходный вопрос возникает в российском праве. Как метко высказался В.А. Белов: «Применение конструкции личного фонда выпускает из “юридической бутылки” этакого юридического джинна — фонд как некоммерческую организацию, фонд как отдельное юридическое лицо, которое, строго говоря, никто создавать никогда не собирался и не создавал бы, если бы это не было единственной возможностью избежать применения к наследуемому бизнесу правил об обязательной доле в наследстве»¹³. Исторически подобная «охранительная» позиция близка к опасениям, возникавшим в англосаксонской доктрине и практике, в канве которой в XVIII и XIX веках свобода завещания была существенно ограничена фактом существования трастов и доверительного управления (*settlement*), которое не было редкостью и в тех случаях, когда выгодоприобретателями были заявлены наследники, позволяло защитить членов семьи

¹¹ Тимербулатова Е.Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 140–164.

¹² Zimmerman R. Op. cit. P. 288–290.

¹³ Белов В.А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 9.

от злоупотребления правами наследодателя¹⁴. Уже в начале XX века свобода завещания стала полной, а положения относительно защиты прав переживших родственников были интегрированы в семейное законодательство¹⁵.

Получается, что одной из ключевых целей создания личного фонда, прежде всего наследственного, является предоставление большей автономии собственнику имущества по распоряжению имуществом своей волей с отступлением от хотя и императивных, но, возможно, в некотором смысле устаревших правил наследственного права.

Л.Ю. Михеева пишет, что желание потенциального завещателя любым доступным ему при жизни способом ограничить его несовершеннолетних наследников по закону в их возможности получить после его смерти все его имущество, стоимость которого сопоставима с бюджетами некоторых регионов страны, и оставить им лишь имущество, необходимое и достаточное для полноценного развития и духовного роста, неизбежно влечет применение таких юридических форм, которые обходят установленные законом традиционные способы защиты слабой стороны и попирают патерналистски окрашенную концепцию социального государства¹⁶.

Вопрос о применении института обязательной доли в наследстве может подниматься не иначе как при составлении наследодателем завещания. В противном случае обязательный наследник призывается к наследству в установленном законом порядке — в числе и наравне с другими наследниками первой очереди или восьмой очереди, если нет других наследников по закону (п. 3 ст. 1148 ГК РФ).

Конструкция наследственного фонда в своей основе имеет завещание наследодателя (п. 1 ст. 123.20-8 ГК РФ). Это предопределяет принципиальное соблюдение прав наследников, обладающих в силу закона правом на обязательную долю в наследстве. Тем не менее именно для этого случая закон в пункте 5 статьи 1149 ГК РФ теперь допускает отступление от императива в отношении таких наследников (получения ими не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону).

Суть этого исключения из общего правила пункта 1 статьи 1149 ГК РФ заключается в том, что наследодатель вправе указать обязательных наследников в качестве выгодоприобретателей наследственного фонда и как выгодоприобретатели они могут получать доходы от осуществления фондом деятельности в установленных наследодателем объеме и порядке. В этом

¹⁴ Kerridge R. Family Provision in England and Wales in Comparative Succession Law. Mandatory Family Protection, Oxford University Press, 2020. P. 389.

¹⁵ Ibid. P. 389, 410–411.

¹⁶ Михеева Л.Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020. С. 33.

случае такие наследники-выгодоприобретатели по умолчанию утрачивают право на обязательную долю. Это не что иное, как назревшая корректировка правила в русле изменившегося политико-правового и социально-экономического взгляда на институт обязательной доли. Автономия воли наследодателя при определении судьбы своего имущества на случай смерти хотя по-прежнему не является полностью свободной от требований обеспечить интересы наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, но получает большую значимость для правопорядка.

Вместе с тем законодатель допустил возможность отказа таких лиц от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда в установленный для принятия наследства срок. В этом случае за ними сохраняется право на обязательную долю, однако ее размер может быть дискреционно уменьшен судом с учетом размера средств, необходимых на содержание исходя из их разумных потребностей и имеющихся у них на дату открытия наследства обязательств, а также средней величины расходов и уровня их жизни до смерти наследодателя. Другими словами, реальный размер обязательной доли наследников может существенным образом отличаться в меньшую сторону от размера, установленного в пункте 1 статьи 1149 ГК РФ. Это, в свою очередь, может позволить достичь цели сохранения работающего бизнеса без риска его дробления между наследниками или неэффективного управления.

Нужно отметить, что буквальное прочтение пункта 5 статьи 1149 ГК РФ о праве

суда на уменьшение размера обязательной доли показывает, что это возможно только в случае отказа наследника от прав выгодоприобретателя наследственного фонда. Однако закон прямо не решает ситуацию, когда наследодатель в принципе не указал «обязательного» наследника в качестве выгодоприобретателя наследственного фонда. Допустимо ли в этом случае расширительное толкование нормы о возможности суда уменьшить размер обязательной доли? Можно смоделировать ситуацию, в которой наследодатель определил в завещании создание наследственного фонда и передачу ему большей части своего имущества, намеренно (или нет) не указав в составе выгодоприобретателей «обязательного» наследника. При этом завещанной (не унаследованной фондом) части имущества недостаточно для соблюдения требования о размере доли наследника, имеющего обязательную долю.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос должен быть положительным, суд и в этом случае должен обладать правом снижения размера обязательной доли по правилам пункта 5 статьи 1149 ГК РФ. Данное решение не должно, на наш взгляд, подтверждаться догматическим обоснованием, поскольку само по себе исключение, заложенное в пункте 5 статьи 1149 ГК РФ, основано на политико-правовых аргументах, базирующихся на умышленном отходе от ранее закрепленных социальных догматов.

Наконец, нельзя не рассмотреть вопрос соблюдения прав наследников на обязательную долю при учреждении личного (прижизненного) фонда.

При создании личного фонда учредитель при жизни передает ему часть своего имущества¹⁷, которая становится собственностью фонда. После смерти учредителя фонд продолжает оставаться юридическим собственником имущества¹⁸. В свою очередь, в состав наследства входят только принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ).

Имущество, которое учредитель передал при жизни личному фонду, могло бы до такой передачи составлять наследственную массу учредителя после его смерти. Однако поскольку с точки зрения наследственного права наследуется лишь наличествующее имущество, то переданное личному фонду имущество, равно как и иные права учредителя фонда, не наследуется за учредителем. В случае с коммерческим юридическим лицом, например, в состав наследства включались бы доли (акции) учредителя, полученные им взамен внесенного в уставный капитал компании имущества. Вместе с тем представим, что учредитель мог не включить в состав выгодоприобретателей этого фонда наследников, обладающих правом на обязательную долю в наследстве.

П.В. Крашенинников пишет, что во всех случаях — при создании как прижизненного фонда, так и посмертного наследственного фонда — сохраняется право на получение обязательной доли в наследстве¹⁹.

Возможно ли сделать вывод, что в случае с личным фондом российский порядок все-таки позволяет учредителю полностью преодолеть правило об обязательной доле в наследстве? Если дать на вопрос утвердительный ответ, то это означает, что для двух отечественных разновидностей личных фондов — прижизненного и посмертного — применяется разное законодательное регулирование в этой части, поскольку в наследственном фонде правило об обязательной доле может быть в значительной мере редуцировано судом, но не исключено вовсе.

Утвердительный ответ на поставленный вопрос заслуживает поддержки по целому ряду соображений.

Во-первых, автономия воли собственника по распоряжению своим имуществом (ст. 209 ГК РФ) должна защищаться. Правопорядок знает ограниченное число корректоров абсолютной свободы, и связаны они зачастую с защитой интересов кредиторов такого собственника. Не усматривается оснований допускать расширение ограниче-

¹⁷ Предвосхищая возможное возражение о том, что учредитель может передать в личный фонд все свое имущество, скажем, что такое в действительности хотя и возможно, однако это не самый вероятный сценарий с рациональных позиций исходя из цели создания данного юридического лица (обособление определенного имущества для эффективного управления им).

¹⁸ Здесь мы не обсуждаем вариации отчуждения конкретного переданного учредителем имущества фондом, в том числе путем его передачи в созданные фондом для осуществления предпринимательской деятельности хозяйственные общества.

¹⁹ Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? С. 2.

ния воли собственника в угоду (потенциальным) наследникам.

Во-вторых, при данном обсуждении нельзя упускать тот факт, что при противопоставлении личных (прижизненных) фондов и наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, нет места завещанию. Однако именно с завещанием закон связывает использование механизма обязательной доли. Как следствие, здесь нет той структурной оппозиции, как при использовании наследственного фонда. Смотреть на прижизненное решение учредителя о создании личного фонда как на квазизавещание нет никаких убедительных оснований.

В-третьих, нет достаточных оснований считать, что к двум видам личного фонда должны применяться полностью тождественные правила. Напротив, можно прийти к выводу, что в этом есть их отличие. Соблюдение правила об обязательной доле, пусть и с оговорками, при использовании конструкции наследственного фонда не общее правило для личных фондов, а специальная норма только для наследственных.

По нашему убеждению, не усматривается из закона и «трансформация» прижизненного фонда в посмертный. Закон определяет только, что прижизненный фонд может продолжать свою деятельность после смерти учредителя, если это закреплено уставом фонда (абз. 2 п. 2 ст. 123.20-4 ГК РФ), но это само по себе не позволяет говорить, что такой фонд становится наследственным.

В-четвертых, при рассмотрении конструкции личного фонда важно понимать, что речь всегда идет не просто о собственнике, но о человеке (учредителе) с очень крупным состоянием. У него может быть множество различных бизнесов в разных сферах и отраслях, с разной степенью его участия и контроля, а также довольно обширное личное имущество (то есть не связанное с его предпринимательской активностью). По меньшей мере об этом свидетельствует необходимое требование для создания прижизненного фонда — не менее 100 миллионов рублей. По мнению В. Вяткина, если говорить про траст или фонд в Европе, то пять миллионов евро — это то, откуда управление таким фондом становится экономически эффективным²⁰.

Это в целом коррелирует с целью создания личного фонда — обособлением определенного имущества и эффективным управлением им в соответствии с теми задачами, которые определяет учредитель фонда, наделивший фонд своим имуществом²¹. Если часть имущества (скажем, один бизнес) передана учредителем фонду для управления, то другая наследуется в случае смерти учредителя по общим правилам наследственного права и, учитывая потенциальный размер благосостояния такого учредителя, должна в полной мере удовлетворять реальные интересы наследников.

В-пятых, такая сделка по созданию фонда и передаче ему имущества прин-

²⁰ Вяткин В. Да здравствует душеприказчик! // Цивилистика. 2022. № 1. С. 16.

²¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1172284-7.

ципиально ничем не отличается от любых иных возможных сделок собственника имущества (учредителя фонда — наследодателя), совершенных им при жизни. В частности, от сделок дарения имущества. Если будет установлено, что сделки заключались собственником, к примеру, исключительно во вред наследникам, имеющим право на обязательную долю, то возможно их оспаривание. Тем не менее мы исходим из того, что это может происходить в каких-то уникальных случаях как экстраординарная мера борьбы наследников против явно недобросовестных действий.

В заключение можно сказать, что конструкция прижизненного фонда является возможным адекватным инструментом удовлетворения сформировавшегося запроса собственников крупного благосостояния по сохранению созданных ими бизнесов. С одной стороны, они еще при жизни могут тщательным образом продумать систему сдержек и противовесов в управлении фондом и посмотреть как бы со стороны, как такой фонд с выстроенной ими системой работает автономно, а при необходимости скорректировать созданную модель управления. С другой — такая конструкция может дать прежде всего для таких собственников, но также и для государства и общества надежную почву для сохранения на долгие годы стабильно работающего бизнеса без вмешательства наследников собственника. При этом наследники (в том

числе имеющие право на обязательную долю) могут получать как выгодоприобретатели значительные доходы как от деятельности такого бизнеса, не вмешиваясь в его управление, так и из иной, не переданной фонду части имущества. В этой связи вопросы наследственного планирования с появлением в российском правовом порядке личного (прижизненного) фонда, во всяком случае пока применительно к определенной категории собственников, приобретают новое значение²².

CORRELATION BETWEEN LEGAL CONSTRUCTIONS OF THE PERSONAL FUND AND THE STATUTORY SHARE IN HEIRSHIP: DEBATING POINTS

**E.I. Domshenko (Chervets),
Master of Jurisprudence (RSPL),
LLM, Attorney at law,
Partner at Attorneys
at Law Regionservice,
consultant at Private Law
Research Centre
under the President
of the Russian Federation
named after S.S. Alexeev**

ABSTRACT. The article is dedicated to the issues of using Russian law on the statutory share in heirship to cases of establishing personal foundation. The author researches the grounds for mandatory character of norms on the statutory share in heirship

²² В литературе можно встретить поддержку такого вывода. С точки зрения Е.Ю. Петрова, благодаря появлению с 1 марта 2022 года личных фондов многие вопросы посмертной передачи имущества можно решить, минуя наследование. См.: Петров Е.Ю. Главное событие в жизни отечественного наследственного права еще впереди // Цивилистика. 2022. № 1. С. 26.

in law policy. Evgeniya makes the conclusion that the statutory share in heirship as a legal construction is based on the social reason to support economically weak social groups. The author experiences continental jurisdictions where the rule on the statutory share in heirship is criticized through the difficulties to manage business assets. The author describes property criteria for efficient structuring inheritance with the use of personal foundations. Correlating the Russian legal device of personal foundation with foreign analogs the author makes the conclusion on perspectives of alternative options to resolve the issue on the statutory share in heirship in Russia.

Keywords: shielding of assets, asset portioning, personal foundation, testamentary foundation, statutory share in heirship.

Библиографический список

1. Белов В.А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7.
2. Вяткин В. Да здравствует душеприказчик! // Цивилистика. 2022. № 1.
3. Заикин Д.П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 5.
4. Колосов И.В. Утилитарный аспект установленного запрета на изменение условий управления наследственным фондом // Наследственное право. 2020. № 1.
5. Михеева Л.Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020.
6. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018.
7. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? / П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др. // Закон. 2018. № 9.
8. Основы наследственного права России, Франции, Германии / Ю.Б. Гонгало, К.А. Михалев, Е.Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М., 2015.
9. Петров Е.Ю. Сделки mortis causa // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б.М. Гонгало. М., 2016.
10. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.
11. Тимербулатова Е.Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7.
12. Kerridge R. Family Provision in England and Wales in Comparative Succession Law. Mandatory Family Protection, Oxford University Press, 2020.
13. Zimmerman R. Compulsory Portion in Germany in Comparative Succession Law. Mandatory Family Protection, Oxford University Press, 2020.